

Андрей Собакин

Последняя
вечность
войны

16+

Андрей Собакин

Последняя вечность войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27102918

SelfPub; 2021

Аннотация

Последние дни Великой Отечественной войны. Бои идут уже на самых подступах к Берлину. Трое советских солдат попадают в засаду фашистов. Уцелевший солдат прячется в склепе на старинном кладбище. Но по злой иронии судьбы нацисты тоже имеют свои виды на старый склеп... И конец войны, который, казалось, был уже столь близок и достижим, вдруг откладывается на целую вечность...

Андрей Собакин

Последняя вечность войны

– А ну-ка, постойте-ка , ребята, – неожиданно сказал старшина Матвеев и остановился.

Шедшие позади него бойцы Симанин и Петров тут же замерли на месте. Однако голос старшины был спокойный, и автомат на его плече висел по-прежнему – стволом вниз, а значит, никакой опасности не было.

– Посмотрите, красотища-то какая! – повернулся к ним старшина, – Вот ведь и не подумаешь, что это – Германия... Совсем как дома...

Они только что вышли из небольшой, уже почти совсем по-летнему зелёной рощи, и перед ними расстилалась обширная, хорошо просматриваемая равнина с мягко очерченным волнистым рельефом и небольшой речкой, которая тонкой серебристой змейкой извивалась среди невысоких зелёных холмов. Кое-где росли огромные, даже на расстоянии, деревья с раскидистыми кронами и необычно длинными ветвями, которые тянулись совершенно параллельно земле. Далеко-далеко, на берегу реки виднелась аккуратная немецкая деревушка, позади которой низина заканчивалась, и вверх взбегали крутые зелёные склоны холмов повыше...

– Красиво, – согласился со старшиной Петров и тут же добавил, – Но у нас по-другому... Здесь и ёлок-то совсем

нет, и деревья тут другие, гладкие какие-то... И вообще, у нас дома в апреле ещё снег лежит.

– Нее... – мечтательно протянул старшина, – У нас в апреле всё уже зелёное...

– Коров тут не хватает, – подключился к разговору Симанин, – Такие луга – для скотины самое то! А здесь пустота какая-то... Даже странно.

– Это точно! – воскликнул старшина, – Молодец, правильно подметил. Так ведь война – фрицы небось всю скотину-то и подъели...

– Ну, теперь уже недолго, – сказал Петров, – Берлин возьмём – и домой.

– Точно! – ответил старшина, – До Первого мая всего ничего осталось – наши уж точно постараются задавить гадину к празднику...

– И Гитлера поймают? – спросил Петров.

– Поймают – куда он денется, – улыбнулся старшина.

– И пулю в лоб этой сволочи! – сказал Петров.

– Зачем? – удивился старшина, – Так легко ему не отделаться. Ты посмотри, что этот гад натворил. Это сколько ж народу из-за него полегло! Нет, посадить его в клетку, в зоопарке, и на табличке написать «Самый страшный зверь на свете». Пусть все приходят и смотрят. А как сдохнет, из клетки не убирать лет сто – чтоб и другим не повадно было на нас войной ходить... Ну ладно, патруль, продолжаем движение.

Матвеев ещё раз окинул взглядом равнину и, как обыч-

но, повернул налево вдоль неширокой просёлочной дороги. Солдаты двинулись за ним – сначала, на расстоянии пары метров, шёл Петров, а потом, ещё метров на пять сзади – Симанин.

– От ведь чёрт! – воскликнул вдруг старшина и снова резко остановился, – Чуть было не прозевали!

На этот раз он смотрел вниз, себе под ноги. На влажной ещё после утренней росы грунтовой дороге отчётливо просматривались совершенно свежие автомобильные следы.

– Кто это тут разъезжает? – задумчиво пробормотал старшина присев на корточки, – Смотри-ка – явно грузовик, потому что задние колёса сдвоенные... Туда поехали... – он поднял голову и посмотрел в направлении следов.

Никаких машин видно не было. Слева от дороги был лес, из которого они недавно вышли, а справа – та самая холмистая равнина, которой они недавно любовались. Потом дорога уходила налево и исчезала в лесу за поворотом. Всё вокруг было очень тихо и спокойно.

– Очень странно всё это, – сказал старшина, – Пойдёмте-ка посмотрим, кто тут ездил – нам ведь как раз в ту сторону...

Повод для беспокойства, конечно, был. Несмотря на то, что в этой части Германии война уже практически закончилась, отдельные подразделения вермахта и особенно остатки частей СС пытались небольшими группами скрытно перебраться на юг или запад, чтобы попасть в английскую или

американскую зоны оккупации. Хотя такие группы и избегали прямых столкновений с Красной армией, при необходимости они могли атаковать мешавшие их продвижению посты, и эту опасность совсем нельзя было недооценивать...

Подхватив поудобнее автоматы, старшина и солдаты быстрым шагом пошли по дороге, стараясь держаться поближе к лесу.

Неожиданно далеко впереди они заметили какой-то тёмный силуэт – кто-то медленно шёл им навстречу. Не сговариваясь, солдаты укрылись в лесу и начали потихоньку пробираться через заросли вдоль дороги навстречу незнакомцу. Через несколько минут они увидели, что по дороге неторопливо брела старушка в чёрном пальто, в старомодной смешной шляпке с пером и с корзинкой в руках – очевидно, местная жительница. Убедившись, что никого кроме старушки на дороге нет, старшина жестом приказал солдатам выйти из укрытия, и они открыто пошли навстречу немке. Та, едва заметив их, сначала остановилась, но потом, поборов страх, всё-таки снова пошла вперёд. Приблизившись к старушке, старшина Матвеев доброжелательно ей улыбнулся и, с трудом подбирая немецкие слова, спросил, не видела ли она здесь грузовик, и куда тот поехал. По-немецки в его исполнении это прозвучало как «Фрау! Крафтваген?».

Старушка с нескрываемым ужасом в бледных глазах смотрела то на старшину, то на сопровождавших его солдат. Судя по всему, вопрос она поняла, так как сразу же показала

рукой куда-то назад.

– Туда поехали? – уже по-русски спросил старшина, – А солдаты там были? Зольдатен?

Немка пристально посмотрела на Матвеева, снова махнула рукой куда-то назад и, уже ни на кого не глядя, пошла дальше по дороге. Красноармейцы стояли и смотрели ей вслед. Пройдя несколько шагов она вдруг остановилась, обернулась и что-то громко сказала по-немецки. После этого старушка прижала к себе свою корзинку и быстро-быстро пошла прочь – казалось, если бы она могла, то она бы побежала. Больше старушка не оборачивалась...

– Вот такая немецкая Баба Яга... – задумчиво сказал Петров, – Старшина, а вдруг там немцы?

– Это Германия – тут повсюду немцы, – ответил Матвеев, – Ладно, ребята, давайте смотреть в оба, чтоб ненароком не нарваться.

– А что она сказала? – спросил Симанин.

– А чёрт её знает, – вздохнул Матвеев.

Неожиданно в лесу, где-то совсем рядом, хрустнула сухая ветка. Все трое абсолютно машинально присели и сдёрнули с плечей автоматы. В следующее мгновение они уже были готовы ударить очередями по зарослям, но больше ничего не происходило, и, что также было немаловажно, интуиция и опыт приобретённые бойцами за годы войны не подавали им никаких тревожных сигналов. И это казалось очень странным... Напряжённо вглядываясь в заросли, старшина

и солдаты начали потихоньку расходиться в стороны, чтобы, в худшем случае, не быть срезанными одной автоматной очередью. И вдруг ветка хрустнула ещё раз, уже чуть в стороне. Петров, который оказался ближе всех, сначала быстро вскинул автомат, целясь куда-то между деревьями, а потом медленно опустил его и улыбнулся. Старшина и Симанин недоумённо посмотрели на него. Возможно, это был кто-то из мирных жителей – ещё одна старушка или ребёнок... Петров продолжал улыбаться и молча поманил бойцов рукой. Не успели его товарищи сделать и шага, как снова захрустели ветки, и на дорогу вышел самец косули, чуть больше метра высотой и с маленькими аккуратными ветвистыми рожками на голове. Олень недоверчиво посмотрел на солдат своими большими чёрными глазами и, неторопливо перейдя через дорогу, начал спускаться по склону в низину. Потом он всё-таки не выдержал и пробежал десяток метров, чтобы остановившись снова посмотреть на солдат уже с безопасного, как ему казалось, расстояния.

– Какой красавец, – сказал Петров, – Он, поди, и не знает, что война...

– Знает, – отозвался Матвеев, – Пошли дальше.

Уже через несколько минут дорога свернула налево, и красноармейцы углубились в лес. Пройдя ещё немного, они увидели невысокую каменную ограду, которая тянулась слева вдоль дороги. По правую сторону плотной стеной стояли заросли кустарника и молодые осины, за которыми уже на-

чинался настоящий лес.

– Ну, вот и кладбище, – сказал старшина и показал на кладбищенскую ограду, – Наверное, бабка как раз отсюда и шла...

Бойцы пошли вдоль невысокой каменной стены, потемневшей от времени и во многих местах покрытой тёмно-зелёным мхом. Стояла абсолютная тишина – даже ветер, казалось, замер в ожидании чего-то...

Кладбище было старым и довольно обширным. Повсюду среди больших корявых деревьев и когда-то аккуратно подстриженных кустов возвышались каменные надгробия и виднелось несколько каменных фамильных склепов разной величины. Красноармейцы шли внимательно оглядываясь по сторонам. Очень скоро в кладбищенской стене обнаружился довольно широкий проход – не ворота, а просто участок стены, метра четыре шириной, был разобран, и вынутые камни лежали тут же у дороги аккуратно сложенные в несколько кучек.

– А следы-то, похоже, на кладбище заворачивают, – сказал Петров.

– Ишь ты, глазастый, – старшина прищурившись тоже присмотрелся к дыре в ограде, – Пойдёмте-ка, посмотрим, что там... И на могилки поглядывайте, чтобы нас покойнички не пристрелили.

Держа автоматы наготове красноармейцы осторожно подошли к разобранному участку стены. Странное ощущение

появилось у старшины Матвеева – вроде там, на дороге, где олень выскочил, и ветки хрустели, и лес густой был, и ничего не разглядишь, но чувства опасности тогда не было... А сейчас – и тихо, как и должно быть на кладбище, и просматривается всё вокруг, а вот где-то в животе холодок затаился... Страшно, а непонятно почему...

Петров оказался прав – следы грузовика сворачивали на кладбище, прямо через разобранный фрагмент стены. И не просто сворачивали – было заметно, что раньше тут была лишь небольшая калитка, которую совсем недавно расширили, чтобы на территорию кладбища могла проехать машина...

«И всё-то у этих немцев аккуратно...» – успел подумать старшина посмотрев на три, сложенные правильными пирамидками, кучки вынутых из стены камней. Потом он повернулся в сторону леса по другую сторону дороги, и тут же оглушительная автоматная очередь ударила откуда-то из-за деревьев, не дав Матвееву даже и мгновенья, чтобы успеть что-то предпринять. Ноги его подогнулись, и с тремя пулями в груди он сначала бессильно опустился на колени, а потом повалился на спину, широко раскинув руки в стороны. Петров и Симанин успели только вскинуть автоматы. Однако выстрелить никто из них не смог. Сражённый той же очередью Петров повалился на спину. Симанину повезло чуть больше – он остался на ногах, лишь его автомат почему-то сильно дёрнулся в руках, словно кто-то невидимый ударил

по нему тяжёлым молотком пытаюсь выбить. Удержав оружие в руках, Симанин направил ствол в сторону леса и до боли в пальце надавил на курок... Однако ни одного выстрела не последовало – что-то заклинило в автомате. Ответная очередь по зарослям раздалась через пару секунд откуда-то снизу. Оказалось, что Петров был только ранен, и теперь, полулёжа на боку, отчаянно стрелял по кустам. Опустошив весь магазин, он попытался подняться на ноги. Наступила напряжённая звенящая тишина. Не видя врага, и не заметив, откуда по ним стреляли, Петров и Симанин оказались в очень опасном положении. Медлить было нельзя. Симанин подхватил безуспешно пытавшегося встать на ноги Петрова, и они вдвоём поспешно укрылись за кладбищенской стеной. Петров был ранен – ноги его всё время подгибались, и, чтобы не упасть, он держался за Симанина. Они вбежали на кладбище через проход в стене и тут же упали на траву за толстой каменной кладкой. Потом они отползли ещё немного вглубь и залегли среди могил.

– Куда тебя ранило? – быстрым шёпотом спросил Симанин, безуспешно пытаюсь передёрнуть затвор своего автомата и не сводя глаз с прохода в кладбищенской ограде.

– Зацепило-таки... – сдавленным голосом отозвался Петров, – А ты чего не стрелял?

– Не знаю – заело что-то... – Симанин посмотрел на Петрова. Тот был бледен, и по его гимнастёрке растекалось тёмное кровавое пятно – слева, чуть сбоку и ниже сердца, вид-

нелось тёмное пулевое отверстие...

– Твоя это пуля была, – сказал вдруг Петров и показал рукой на автомат Симанина, – Видишь, прямо под затвор попала... Спасла тебя твоя железка – теперь долго жить будешь...

Симанин с удивлением посмотрел на свой автомат – разверни он его тогда в сторону леса на мгновение раньше, и пуля вошла бы прямо ему в грудь, и они бы все втроём оказались срезанными одной очередью...

– На немцев нарвались, – бормотал Петров, – Какая глупость...

Из-за обилия надгробных плит, нескольких раскидистых старых деревьев и аккуратно подстриженных кустов, просматривалось кладбище очень плохо. Несомненно, прячась за могилами, у красноармейцев были хорошие шансы уйти незамеченными. Но и у немцев было много возможностей незаметно окружить бойцов.

Словно в подтверждение этого, откуда-то из глубины кладбища раздалась немецкая речь – короткий и требовательный вопрос, и сразу же кто-то отозвался из-за каменной стены со стороны леса... Даже не владея немецким, Симанин и Петров догадались о содержании разговора: «почему стреляли? – русский патруль!».

Потом послышался треск веток, и до красноармейцев донесли едва различимые шаги – кто-то вышел из укрытия в лесу и осторожно приближался к проходу на кладбище. Одновременно позади них, на кладбище, зазвучали отрывистые

немецкие команды, и почувствовалось, что среди могил и склепов началось какое-то движение.

– Дай мне твой магазин, – сказал Петров, – Я их задержу, а ты пока уходи...

– Вместе пойдём, – ответил Симанин отстёгивая и передавая Петрову магазин от своего повреждённого автомата.

– Нет, – голос Петрова был ровный и усталый, – Я ног совсем не чувствую, и перед глазами муть какая-то... Иди один. И лучше не шастай пока по кладбищу, а спрячься где-нибудь, дождись пока стемнеет, и – потом уходи. Искать тебя фрицы точно не будут – времени у них совсем нет, им сейчас шкуру свою спасти нужно...

– Да как же я тебя оставлю?.. – пробормотал растерянно Симанин не находя нужных слов.

– А вот так... – сказал Петров, – Тебя звать-то как, Симанин?

– Василий...

– Давно на фронте?

– В ноябре призвали... С марта вот в Германии...

– Ну и нечего тебе задницу свою напоследок светить – война не сегодня-завтра закончится... Дома девки ждут... Так что, живи, Василий!.. – Петров внезапно прислушался и резким жестом руки остановил возможные возражения со стороны Симанина.

Над кладбищенской стеной вдруг появилась тёмная немецкая каска с натянутой на неё маскировочной зелёной

сеткой – немец пригнувшись приближался к проходу в стене. Петров прилёг на правый бок, прижался щекой к шершавому каменному надгробию и направил автомат в сторону прохода.

– Уходи, дурак, – раздражённо сказал он Симанину, не глядя на него, – После войны к матери моей съезди, под Архангельск. Крыша у неё течёт, писала... Сам-то уж точно не починю – помоги ей...

Закончить фразу Петров не успел – в проходе появился немецкий солдат с автоматом наготове. Петров выстрелил короткой очередью. Немец успел среагировать и быстро спрятался за каменной стеной.

– Беги! – строго приказал Симанину Петров, и тот, оставив свой повреждённый автомат на земле, на четвереньках пополз дальше вглубь кладбища.

С трудом продравшись через густые кусты между могилами, Симанин услышал короткую автоматную очередь за своей спиной – наверное, немец снова попытался проникнуть на кладбище. Симанин полз, старательно укрываясь за могильными холмиками и каменными надгробиями. Вокруг него раздавалась прерывистая немецкая речь, слышался топот ног и треск веток. Совсем рядом, едва не наступив ему на руку, пробежали три немецких солдата в новых чёрных сапогах. Снова послышалась стрельба, взрыв гранаты, а потом внезапно наступила тишина...

Пробираясь среди лабиринта могил, Симанин вскоре ока-

зался в кустах напротив каменного склепа с белыми оштукатуренными колоннами по краям. Неподалёку, на кладбищенской дорожке, стоял грузовик с покрытым брезентом кузовом. Чуть дальше виднелся сильно забрызганный грязью чёрный легковой автомобиль. У входа в склеп стояли и тревожно озирались по сторонам два очень молодых немецких солдата в чёрной униформе и с автоматами в руках. Возле их ног лежал раскрытый длинный плоский оружейный ящик с металлическими застёжками. Потом один из солдат приоткрыл дверь склепа и опасно заглянул внутрь. В следующее же мгновение откуда-то появился немецкий офицер в серой шинели в сопровождении светловолосой девушки без головного убора. На девушке также была серая шинель с непонятными Симанину серебристыми знаками различия. Офицер что-то сказал солдатам, и те сразу куда-то убежали. Офицер же и девушка торопливо направились в сторону грузовика...

Когда Симанин снова выглянул из кустов, то никого он больше не увидел. Раскрытый ящик у входа в склеп не давал ему покоя – там наверняка было какое-то оружие... Солдат ещё раз убедился, что поблизости никого нет, а потом осторожно поднялся на ноги и, пригибаясь, подбежал ко входу в склеп. В лежавшем на земле оружейном ящике он увидел четыре панцерфауста. Василий слышал про такие – говорили, что панцерфауст мог срывать башни с танков и прожигать насквозь самую толстую лобовую броню. Это было несомненно мощное оружие, но, к сожалению, Симанин совер-

шенно не знал, как его использовать. Пока он размышлял над ящиком с панцерфаустами, где-то совсем рядом послышался топот сапог. Симанин в панике опрометью бросился к склепу и, дёрнув на себя приоткрытую дверь, поспешно спустился на несколько ступенек по обнаружившейся за дверью лестнице. Сделал он это как раз вовремя – на открытое пространство перед склепом со всех сторон вышло не менее десятка вооружённых немецких солдат в чёрной униформе. Симанин даже не успел закрыть за собой дверь, впрочем немцы не обратили на склеп никакого внимания. Прижавшись к каменным ступенькам, красноармеец осторожно выглянул наружу и увидел, как все они построились в небольшую шеренгу возле грузовика, и вперёд вышел высокий худой немецкий офицер в длинной светлой шинели и круто изогнутой фуражке. Он что-то сказал, после чего все солдаты повернулись к грузовику. Снова появилась та светло-волосая немка в униформе и жестом приказала одному из солдат залезть в кузов грузовика. Потом тот начал выбрасывать оттуда свёрнутые комплекты униформы: шинели, штаны, гимнастёрки... Солдаты деловито рылись в них, выбирая, очевидно, свои размеры, а затем, прижимая к себе аммуницию, отходили в сторону чтобы переодеться. Симанин спустился на несколько ступенек ниже и попытался обдумать своё положение. Один, без оружия, на кладбище, среди фашистов, которые почему-то... Он снова выглянул наружу – без всяких сомнений, солдаты переодевались в новую

униформу. Зачем? Война уже и так явно проиграна... Что они собираются делать? Сдаваться? Совсем не похоже – переодевшись, немцы снова хватали свои автоматы, да и противогазы и гранаты на поясе тоже полностью перемещались на новую униформу. Немка стояла рядом с офицером и наблюдала за переодеванием солдат.

Симанин опасливо посмотрел вниз – туда, куда вела эта каменная лестница, на которой он лежал. Там, в самом низу была ещё одна дверь, тяжёлая, окованная железом. За той дверью, без сомнения, скрывалась святая святых склепа – помещение с гробами... Убедившись, что немцы, негромко переговариваясь, спокойно переодеваются, он крадучись спустился до самого низа лестницы и потянул за железное кольцо внутренней двери склепа, которая, как оказалось, была не заперта. Симанин протиснулся за дверь в темноту склепа. В узкой полоске света, падавшей от входа, он разглядел тесное длинное помещение метра два высотой и с проходом около полутора метров шириной. Слева и справа на высоте чуть больше метра тянулись широкие каменные полки, на которых стояли тёмные массивные деревянные гробы; их было штук пять или шесть.

Симанин машинально втянул носом воздух, ожидая почувствовать трупный запах, но пахло просто подвалом, сырой землёй и мокрой извёсткой. Внезапно наверху раздался топот сапог и скрежет отворяемой двери. Не успев ничего толком обдумать, Симанин шарахнулся в сторону от полосы

света и торопливо влез на каменную полку справа. Там он быстро заполз за гроб, который, к счастью, стоял не вплотную к стене.

По лестнице в склеп спустился немецкий солдат с автоматом наготове. Он опасливо сделал несколько шагов, зачем-то ткнул стволом автомата в стенку ближайшего гроба, а затем, не спуская глаз с темноты в глубине гробницы, попятился назад и торопливо поднялся наверх. До Симанина донёсся ответ солдата кому-то об осмотре склепа: «Найн! Нихт... Найн!». А потом наступила тишина.

Подождав немного, Симанин собирался уже выбраться из-за гроба и снова крадучись подняться наверх по лестнице. Однако, к счастью, сделать этого он не успел. Сверху послышался шорох осторожных шагов, и вниз спустилась та самая немка, что совсем недавно наблюдала за переодеванием солдат. Это была совсем молоденькая девушка лет двадцати, симпатичная блондинка с коротким, чуть вздёрнутым кверху, носиком, несколько тяжеловатым подбородком и с красивыми изящными губами. Она остановилась сразу же у нижней открытой двери, не осмеливаясь войти внутрь гробницы, и начала... раздеваться. Сначала на землю полетела шинель, потом гимнастёрка, юбка... Затаив дыхание Симанин смотрел на её обнажённое тело в потоке падающего сверху света. Казалось, что было слышно её дыхание, и даже ощущался приятный запах женского тепла и цветочного мыла. Постоянно озираясь на темноту склепа, девушка осталась в

только в чёрных полупрозрачных трусиках. Из принесённого с собой свёртка она достала блузку, чулки, длинную чёрную юбку и начала снова одеваться. В какой-то момент что-то её насторожило – то ли она уловила дыхание Симанина, то ещё что-то; девушка резко выхватила откуда-то небольшой плоский пистолет, «Браунинг», и решительно направила его через открытую дверь вглубь склепа. Симанин, стараясь не дышать, потихоньку отполз подальше за гроб. Немного успокоившись, девушка, убрала оружие и закончила переодевание. Теперь вместо шинели на ней было короткое тёмно-синее пальто, а на ногах вместо длинных офицерских сапог – аккуратные коричневые сапожки на каблуке. Выглянувший снова из-за гроба Симанин увидел, как она торопливо затолкала ногами в склеп свою одежду, шинель и сапоги, а потом положила «Браунинг» в карман пальто и повязала на голову сине-белый платок. Теперь она ничем не отличалась от тысяч немок-беженек, которыми в то время были полны дороги Германии. Бросив ещё один подозрительный взгляд в темноту гробницы, девушка поспешно поднялась наверх по лестнице.

Выждав несколько минут, Симанин собрался было выглянуть наружу, но тут на лестнице снова слышались шаги...

В склеп спустились два солдата и тот самый офицер. У одного из солдат был фонарик. Бегло осмотрев гробы на полках, офицер что-то приказал и похлопал ладонью по самому ближайшему к выходу гробу – к счастью, Симанин прятался

за гробом с другой стороны прохода. С некоторым трепетом солдаты достали свои штык-ножи и начали подковыривать крышку гроба. Открыв крышку, они сняли её и, наклонив гроб, вывалили его содержимое на пол...

Симанин увидел, как на каменные известковые плиты склепа вывалилось иссохшее тело покойника. Это был высокий мужчина в полуистлевшем синем камзоле, похожем на парадную униформу: позолоченные пуговицы, эполеты, золочённые шнуры... Василий заметил, что немецкие солдаты исполнили приказ очень неохотно и не скрывали суеверного ужаса. Пустой гроб они снова поставили на полку. Потом солдаты ушли, но не прошло и минуты, как они вернулись. На это раз каждый из них прижимал к груди жёлтый прямоугольный слиток около полуметра длиной – золото. Слитки солдаты аккуратно сложили в освободившийся гроб и вновь поднялись наверх. И снова раздался топот ног на лестнице, и солдаты принесли ещё каждый по одному слитку... Притаившийся в склепе Симанин даже сбился со счёта – солдаты наполнили слитками весь гроб, спустившись по лестнице не то десять, не то двенадцать раз. Затем один из солдат поднялся наверх, а второй начал прикрывать заполненный золотом гроб крышкой. В этот момент откуда-то сверху раздался выстрел. Где-то совсем близко. Оставшийся внизу немецкий солдат насторожился, бросил полуприкрытый гроб и посмотрел наверх. Оружия при нём не было – наверное, он оставил свой автомат наверху. Симанин успел да-

же подумать, что наверное на кладбище пришли наши, но... На лестнице послышались шаги, и он увидел немецкого офицера с пистолетом в руке. Остановившись на предпоследней ступеньке, офицер вскинул оружие и выстрелил в недоумевающего солдата. Тот нелепо попятился и упал, прислонившись спиной к полке с гробами. Офицер толкнул ногой нижнюю дверь склепа, но та закрылась неполностью, оставив примерно полуметровую щель.

Симанин уже совсем не понимал, что происходит. В полумраке склепа он видел стремительно бледневшее лицо солдата, убитого своим же офицером. Тем временем, на лестнице что-то громко хлопнуло, потом раздался металлический стук, и в приоткрытую нижнюю дверь склепа влетел снаряд от панцерфауста, видимо, от ricochetив от стенки туннеля... Снаряд, состоявший из двух соединённых конусов и деревянной палки, лихо крутанулся пару раз на полу склепа и замер. Симанин разглядел заметную вмятину на одном из конусов, однако снаряд не разорвался, а просто остался лежать на полу из известковых плит. Через полминуты на лестнице снова хлопнуло, и раздался оглушительный взрыв – нижняя дверь склепа стремительно захлопнулась, в склепе наступила полная темнота, а в туннеле загрохотали обваливающиеся каменные стены... В последний момент Симанин успел прикрыть уши ладонями, чтобы окончательно не оглохнуть. Примерно ещё через минуту за уже заблокированной дверью громыхнуло ещё раз, после чего склеп наполнился известко-

вой пытью, и воцарились абсолютная темнота и тишина...

Симанин не знал, сколько прошло времени. В ушах стоял звон, чуть побаливала голова. Дышать было трудно из-за заполнившей всё густой пыли...

Прошло довольно много времени, прежде чем Симанин решил, что передвигаться в пределах склепа он может теперь довольно свободно. Да, было темно, но он помнил, что у немецкого солдата был фонарик. Выбравшись из-за гроба, Василий на ощупь отыскал в проходе тело немца и в кармане его шинели обнаружил фонарик. Включив фонарик, Симанин обследовал склеп – каменные полки и старинные гробы на них... Оставив включённый фонарик на одной из каменных полок, он подобрал с пола неразорвавшийся снаряд от панцерфауста и осторожно положил его на неполностью прикрытую крышку гроба с золотыми слитками. Конечно, ему хотелось запрятать его как можно дальше, но, едва взяв снаряд на руки, Симанин затаил дыхание и осмелился передвинуть его лишь на полтора метра вверх и на метр вправо – сама мысль, что это металлическая болванка на деревянной палке может в любой момент взорваться, была ужасна. К счастью, снаряд оказался дефектным. Убрав его из прохода, Симанин проверил дверь. К сожалению, судя по всему, пара других панцерфаустов взорвалась, как планировалось, и туннель за окованной металлом дверью был плотно завален камнями и землёй. Окованные железом тяжёлые створки двери оказались запечатанными намертво – сколько ни пы-

тался Симанин, ему не удалось приоткрыть их даже на миллиметр.

Посветив фонариком на неразорвавшийся панцерфауст, лежавший на крышке гроба, Симанин немного успокоился. Да, он был похоронен в этом склепе, но он был жив, даже не ранен, и у него был фонарик...

С фонариком в руке, Симанин подобрал брошенную немкой одежду. Руки его чисто машинально поднесли скомканные гимнастёрку и юбку к лицу, и он вновь ощутил тот самый приятный запах – тепла, мыла и чего ещё, едва уловимого...

Положив одежду девушки на полку возле двери, солдат осмотрел вываленные из гроба на пол останки покойника. Вытянутый череп, остатки седых волос, седые бакенбарды, старинная военная униформа – покойный явно был каким-то немецким военачальником. Почему-то Симанину вспомнилась книжка из школьной библиотеки про барона фон Мюнхаузена – судя по всему, при жизни, обитатель гробницы вполне мог на него походить. Непроизвольно окрестив про себя покойника «бароном», Симанин прошёл чуть дальше и осмотрел немецкого солдата. Тот полулежал, прислонившись спиной к стене. Голова его безвольно свешивалась на бок, а на серой шинели, на груди, виднелось тёмное кровавое пятно – как раз там, где сердце... Он был несомненно мёртв. «Вот ведь гады», – подумал Симанин, – «Своих же кончают...»

Затем Василий обследовал склеп. Помимо заполненного

золотыми слитками гроба, там было ещё пять гробов. «Наверное, это родственники барона...» – рассеянно подумал Симанин. В противоположном от двери конце был тупик – шершавые каменные блоки из серого известняка. Пол в тупике был почему-то неровным и рыхлым – видимо там периодически скапливалась вода; наверное, во время весенних половодий... Потолок склепа был в виде не очень крутого свода, сложенного из тех же шершавых известняковых блоков, на высоте двух-двух с половиной метров.

«Господи... Что же мне теперь делать?» – в отчаянии подумал Симанин.

Свет фонарика начал заметно потускнеть, и красноармеец выключил его, чтобы не расходовать батарейку напрасно. В абсолютной темноте он сел на каменную полку в конце склепа и прислонился к стене. Наверное, Симанин чуть-чуть задремал... Прошёл час или, может, три... Внезапно услышался странный шорох и постукивание – словно кто-то осторожно приоткрыв крышку, выбирался из гроба... Встрепенувшись, Симанин тупо уставился в темноту и прислушался. Нет, кажется, показалось... Шорох где-то справа – кто-то пытается открыть свой гроб? Василий повернулся и начал вглядываться в темноту. Нет, вроде ничего... Шли минуты, часы... В какой-то момент Симанину показалось, что он слышит радио – где-то звучала приглушённая музыка, а потом неразборчивый голос диктора. Сначала казалось, что музыка и голос раздаются с какой-то определённой стороны,

но очень скоро Василий обнаружил, что звуки не менялись, как бы он ни крутил головой и ни перемещался. Потом музыка потихоньку смолкла, а диктор что-то бубнил всё тише и тише...

Утомлённый событиями дня, Симанин и сам не заметил, как уснул...

Сон, приснившийся ему, поразил Василия своей реалистичностью и яркими красками. Будто идёт он солнечным летним днём по своей родной деревне, а только пуста деревня – дома стоят, а вокруг ни души, и даже ни уток, ни кур, никакой другой живности не видно. И тишина кругом, только шаги самого Василия слышны. И вот прошёл он почти всю деревню, и вдруг слышит какие-то глухие удары – вроде копает кто-то... Свернул Василий за сарай и увидел яму посреди двора, а в яме той мужик какой-то стоит в одних штанах, куском верёвки подвязанных, и с голым торсом. Загорелый такой, седой, с бородкой... Старик, но крепкий такой старик... В руках у него лопата, и копает он ту яму, а землю в сторону отбрасывает... Василий неуверенно подошёл поближе и узнал старика. Вернее узнал он его ещё с самого начала, но только вот теперь уже никаких сомнений не осталось.

– Дед, а дед... – нерешительно сказал Симанин, – Ты чего тут делаешь? Где все? Почему деревня пустая?

Старик с размаху всадил лопату в землю, вытер ладони о штаны и обернулся.

– Колодец копаю, – ответил он.

– Дед, подожди... – Симанин подошёл ещё ближе, – Дед, ты же умер... Ещё в сороковом...

– Ну так что, что умер? – старик прищурившись посмотрел на Василия, – Раз умер, что мне – в могиле лежать? А колодец кто копать будет? Ты, Васёк, не забывай, что без еды человек долго протянуть может, а вот без воды – всего-ничего.

– Так ведь нет воды... – Симанин кивнул на дно ямы, в которой стоял его дед.

– Вода потом придёт, – ответил тот, – Сначала надо колодец вырыть, а там и вода появится...

Старик снова протянул руку к лопате, а потом пристально взглянул на внука.

– Тут это... – сказал он, – Девка одна тебя спрашивала...

– Какая ещё девка? – растерянно спросил Симанин.

– Узнаешь... Ступай к речке, – ответил дед, – Ждёт она тебя там... Только ты это... Поговорить с ней – поговори, а звать куда будет – не ходи.

– Куда ж она меня звать будет?

– Куда бы ни звала – не ходи! – дед отвернулся и взял в руки лопату.

Василий с изумлением смотрел на деда – слишком уж отчётливо он запомнил его тогда, пять лет назад, в обтянутом красной тканью гробу на столе посреди избы...

– Ну, ступай давай, – не глядя на него сказал дед и снова

начал копать яму, словно Симанина уже не было.

Василий повернулся и пошёл к реке. Некоторое время он ещё слышал стук дедовой лопаты, а потом свернул к реке, и всё стихло. Девушку у моста Симанин заметил издали – она стояла прислонившись к перилам. Незнакомая, молодая, красивая, со светло-русыми волосами заплетёнными в длинную толстую косу, в белом сарафане с красными узорами.

Спустившись с горки, Василий остановился перед ней.

– Пришёл? – внимательно разглядывая его спросила девушка.

– Как видишь... Дед сказал... – ответил Симанин.

– Ну, пошли, коль пришёл, – сказала девушка и, оттолкнувшись от перил моста, пошла вдоль реки в сторону небольшой берёзовой рощи.

Симанин послушно последовал за ней, тупо разглядывая спину и попу девушки, и ещё её туго заплетённую косу с белыми лентами. Возле рощи девушка остановилась и, отойдя чуть в сторону, слегка наклонилась, словно в почтительном поклоне, и показала на что-то рукой:

– Вот, смотри, Василий...

Василий с удивлением обнаружил среди берёз свежий могильный холм из сырой коричневатой земли, резко контрастировавшей с белыми стволами берёз и с ярко-зелёной травой вокруг.

– Что это? – растерянно спросил он, – Чья это могила?

– Как это чья? – девушка улыбнулась, – Твоя!

– Н-н-нет... – пробормотал Василий и опасливо попятился на пару шагов, – Я же не умер!

– Не умер, говоришь? – с улыбкой спросила девушка подошла к могильному холмику и, подобрав сарафан, вдруг села прямо на глинистую кучу земли.

– Ты ошибаешься, – сказала она склонив сведённые вместе колени чуть в сторону и глядя на Симанина снизу вверх, – Это не смерть. Тебе не стоит этого бояться. Это бессмертие.

В тот же момент непонятно откуда в руке девушки оказался длинный слиток золота – как раз такой, которые совсем недавно немецкие солдаты складывали в склепе в гроб «барона». Причём, если солдаты таскали слитки прижав их по одному обеими руками к груди, то девушку вес куска золота, казалось, совсем не затруднял, словно слиток был сделан из картона. Она держала его одной рукой за кончик и даже слегка им помахивала.

– Знаешь, что это такое? – спросила она.

– Золото... – неуверенно ответил Симанин.

– Это твоё бессмертие, – сказала девушка, – Соглашайся, и ты никогда не умрёшь. Сохрани это золото, и вечность будет твоей. Твои останки если и найдут, то только через тысячи лет. Благодаря золоту ты будешь бессмертен. О тебе будут говорить и через тысячу... и через две... и через десять тысяч лет!

Девушка положила слиток золота на могильный холм ря-

дом с собой, и тот под собственной тяжестью полностью скрылся среди коричневых комьев земли, словно погрузившись в воду. Девушка похлопала ладошкой по тому месту, где лежал слиток.

– Присядь-ка тут рядом со мной, – сказала она Симанину, – Я тебе кое-то расскажу.

– Нет! – Василий решительно попятился.

Незнакомка пугала его, ему внезапно захотелось оказаться как можно дальше от неё. Он сделал несколько шагов назад и уже собирался повернуться и броситься прочь, как девушка снова улыбнулась и попросила:

– Ты только не говори никому про золото, хорошо?

И в следующее же мгновение она пропала. Симанин просто моргнул, и через секунду на могильном холме уже никого не было.

...Василий проснулся. Вокруг было темно. Где фонарик? Он лихорадочно начал шарить вокруг руками. Фонарика нигде не было! Возможно, он упал на пол или его кто-то забрал? Кто?!

Симанин в ужасе подскочил. Вокруг было тихо, темно и спокойно.

«Господи!» – подумал Симанин, – «Я – в гробнице. Кругом – гробы. Выход завален... О, господи, помоги мне!»

Он попробовал перекреститься, но не был уверен, что делал это правильно...

В тишине гробницы Симанин неожиданно услышал осто-

рожное постукивание. Что это? Он напрягся, внимательно прислушиваясь к темноте. Неужели, в каком-то из гробов шевелился покойник? Василий замер – глупости какие! Он попытался припомнить расстояние от себя до ближайших гробов, и вдруг вспомнил, что у него в кармане были спички!

Определив наощупь, что в спичечном коробке оставалось восемь спичек, Симанин зажёл одну из них. Пошли драгоценные секунды света – да, гробница; да, кругом гробы; да, останки «барона» на полу; да, мёртвый немецкий солдат в проходе; да, золотые слитки в приоткрытом гробу, который тот солдат так и не успел полностью закрыть крышкой... Спичка погасла. Осталось семь...

Симанин чиркнул новой спичкой и подошёл поближе к двери. Судя по всему, ему не грозило задохнуться в склепе – пламя спички заметно отклонилось возле заблокированных дверей – значит, сверху в склеп всё ещё поступал свежий воздух... Мумия барона Мюнхаузена в проходе, труп немецкого солдата... Известковые плитки в конце коридора заметно размыты водой... Значит, если копать колодец, то только здесь... Спичка погасла, и Симанин с сожалением отбросил её в сторону. Осталось всего шесть... Где-то снова зазвучало радио – музыка, пианино...

Симанин забрался снова на каменную полку – в темноте и совершенно на ощупь. Томительные минуты и часы абсолютной темноты и тишины...

Внезапно совсем рядом раздался отчётливый стук и шо-

рох – в каком-то из гробов зашевелился покойник... Или это только показалось? Может быть, это всего лишь крысы?

Снова вспыхивает спичка, но всё спокойно – склеп, гробы, безмолвие... Осталось пять спичек... Хочется пить... Симанину вдруг вспомнился недавний сон: дед, колодец... Да, нужно копать колодец! Но чем? Пятая спичка: на поясе убитого немецкого солдата – штык-нож и сапёрная лопатка. Симанин забрал найденные сокровища и, пригнувшись, чтобы защитить пламя спички, пошёл в конец склепа, где пол был немножко размыт водой, и, вообще, известковые плитки казались довольно рыхлыми...

Спичка погасла – теперь осталось всего четыре. Можно не зажигать – красноармеец на ощупь начал ковырять штыком и лопаткой известковые плитки на полу. Скинул и отбросил в сторону шинель. Дело продвигалось даже лучше, чем ожидалось – видно тут и правда периодически скапливалась вода, и поэтому плитки поддавались легко: их можно было и пробить лопаткой, и расшатать, и даже вытащить... К счастью, плитки не были связаны цементом, и довольно скоро Симанину удалось расчистить от них довольно приличный участок пола и даже углубиться в глинистую землю почти на полметра. Правда, он не имел совершенно ни малейшего представления, заняло это полчаса или целый день... Время в темноте склепа, если и не совсем остановилось, то текло с неизвестной скоростью. Четвёртая спичка ушла на посмотреть, что удалось вырыть. Яма на полу в конце склепа

получилась довольно внушительная, но никаких следов присутствия влаги или воды не было. Расстроенный и уставший Симанин прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Осталось только три спички. Наверное, Симанин потом всё-таки заснул. Проснулся он неожиданно, словно кто-то позвал его. Нашупав в потёмках оставшиеся спички, Василий зажёл одну. Стон или какой-то похожий звук повторился. Лежавший в проходе немецкий солдат вроде изменил позу и как бы чуть-чуть повернул голову к Симанину. Они был жив?! Василий даже подскочил от неожиданности. Тут спичка погасла, и всё опять погрузилось в крошечную тьму.

– Эй, ты! – Симанин пробрался в темноте к солдату и коснулся его плеча, – Эй, Фриц, Ты живой что ли?

Немец пробормотал что-то невнятное. Симанин зажёл предпоследнюю спичку. Немец был бледен, но его голубые глаза были широко раскрыты.

– Живой?! – почти крикнул Симанин, и немец едва заметно кивнул.

– Васэр... Тринкэн... – едва слышно пробормотал солдат.

– Чего? Пить, что ли... – Симанин поддерживал рукой голову немца, но спичка уже догорела, и всё вокруг погрузилось в темноту.

Последнюю спичку Василий решил пока не зажигать. Он обхватил немца руками и потащил его вглубь склепа, туда, где он совсем недавно рыл колодец. Нашупывая в темноту вырытую яму, Симанин наконец угодил в неё рукой, и тут

его пыльцы ощутили влагу. Его странный сон, казалось, исполнился, и вода, хоть и не сразу, но заполнила колодец...

Сначала Симанин жадно облизал свои мокрые пальцы, а потом попытался зачерпнуть воды ладонью. Вода получилась в перемешку с песком и известковой крошкой, хрустела на зубах и пахла известью и глиной, но это была вода! Значит, пока Симанин спал, яма всё-таки наполнилась водой! Симанин смочил мокрым песком губы немецкого солдата. Тот негромко постанывая начал слизывать с губ драгоценную влагу. Некоторое время Василий пытался поить солдата, периодически пробуя пить сам. Потом немец затих, видимо заснув или потеряв сознание. Подождав немного, Симанин достал последнюю спичку и зажёл её...

Немецкий солдат спал. На дне ямы блестела вода – чуть больше полсантиметра. Перед тем, как дать спичке погнать, Симанин поднял её, чтобы осмотреть склеп, и вдруг... Прямо на него из темноты смотрел старик с седыми усами и бакенбардами. На старике был синий старомодный камзол с золочёнными шнурками и пуговицами – это был тот самый барон совсем недавно столь бесцеремонно выброшенный из собственного гроба...

«Мюнхаузен!» – успел подумать Симанин, и в этот момент спичка погасла, и склеп снова погрузился в темноту.

В крошечной темноте склепа Симанин вдруг увидел странный голубоватый свет. Всё вокруг было погружено в темноту, но тело старого немца в старинной униформе слов-

но светилось изнутри. «Мюнхаузен» стоял рядом и с удивлением смотрел на Василия.

– Рюсский зольдат? – несколько неуверенно спросил «Мюнхаузен», – Почему ты здесь?

Растерявшийся Симанин покосился на погасшую спичку в руке. Страх не было. «Мюнхаузен» казался если не дружелюбным, то по крайней мере, относительно безвредным существом.

– Потому что война, – ответил Симанин.

– Опять? – «Мюнхаузен» подошёл поближе и присел на каменную полку с гробами.

– Да, – сказал Симанин, – Гитлер ваш напал, вот мы и пришли... А откуда вы знаете русский?

«Мюнхаузен» улыбнулся.

– Состоял при посольстве, – доложил он, – В Петербурге. А до этого вместе с императором Александром воевал Бонапарта.

– Так вы такой старый... – вырвалось у Симанина.

– Я уже не старый, – усмехнулся в седые усы «Мюнхаузен», – Как вы успели заметить, я лежу в этом склепе... Вернее, лежал. Вообще, вам не кажется, что это немножко через край, когда тебя выбрасывают из собственного гроба?

– Ну, так это же – нацисты, – сказал Симанин, – Им что живые, что мёртвые...

В следующее мгновение, Василий обнаружил, что сидит в асолютной темноте, и «Мюнхаузен» бесследно исчез. При-

слушавшись некоторое время к тишине склепа, Симанин на ощупь вновь отыскал немецкого солдата. Тот невнятно сопел. Спичек больше не было.

– Ты давай, Фриц, не сдавайся! – сказал Симанин солдату, – Выберемся как-нибудь.

Немец не ответил. Похлопав солдата по карманам, Симанин с сожалением констатировал:

– Спичек у тебя нет..

– Найн... – едва слышно печально вздохнул немецкий солдат.

– Что ж вы, как собаки, друг в друга стреляете? – спросил Симанин.

Немец опять только вздохнул...

В этот момент в голубоватом свете появилась усатая фициномия «Мюнхаузена».

– Немецкий зольдат проигрывает, потому что не знает, когда нужно сдаваться, – сказал тот.

В странном голубом свете исходящем от «Мюнхаузена» Симанин довольно отчётливо мог разглядеть и склеп, и раненого немецкого солдата. На высказывание «Мюнхаузена» тот отреагировал чуть заметным покачиванием головы и едва слышным «найн»...

– Поверьте, мне, молодой человек, – продолжал «Мюнхаузен», – Я знаю, что говорю.

Тут немецкий солдат приподнял голову и выдал какую-то фразу на немецком, которую Симанин, разумеется, совер-

шенно не понял. «Мюнхаузен» ответил тоже что-то на немецком, потом рассмеялся, повернулся к Симанину и добавил по-русски:

– ...А русский зольдат побеждает, потому что не знает, когда нужно сдаваться.

– Да, мы не сдаёмся, – чисто машинально ответил Симанин, а про себя постарался понять услышанное, но, видно, старик уже давно был не в своём уме...

Впрочем, «Мюнхаузен», казалось, не расслышал ответа Симанина и воодушевлённо продолжал:

– Вот имеем ситуацию: мы все умерли и сидим в гробнице. Что будет делать немецкий зольдат? Правильно – быть на посту и охранять вверенное ему имущество; я имею в виду золото, которое сейчас лежит в моём гробу. А что будет делать русский зольдат?

Симанину разговор совершенно не понравился и он отрицательно помотал головой.

– Я вам тут ничего охранять не нанимался! – решительно сказал он.

– Вот как? – «Мюнхаузен» громко засмеялся, – И что же будет делать русский зольдат?

– Выбираться отсюда буду! – ответил Симанин.

Не прекращая смеяться, «Мюнхаузен» растворился во мраке унося с собой то странное голубоватое сияние, которое худо-бедно, но всё-таки освещало склеп. Оказавшись снова в абсолютной темноте, Симанин по памяти нашарил

руками у вырытого им колодца сапёрную лопатку и штык-нож. Решив, что копать туннель наружу будет проще как можно ближе к потолку склепа, он на ощупь взобрался на каменную полку и, упираясь ногами в невидимую в темноте стену, с трудом отодвинул лежавший на полке гроб в сторону, пока тот не упёрся в другой гроб. Теперь на полке у дальней стенки склепа получилось метра полтора свободного пространства, необходимого для работы. Тщательно обшарив стену, Василий начал методично расковыривать щели между известняковыми блоками. Из-за столетий сырости известняк размягчился и теперь был достаточно рыхлым и слоистым, чтобы орудуя стальным ножом можно было отковыривать пусть небольшие, но кусочки...

Изрядно устав, Симанин всё же раскрошил по периметру один из блоков, а потом расшатал его и вытащил из стены. За кладкой оказалась глинистая земля, холодная и влажная. Несколько раз Василий спускался с полки чтобы попить из «колодца», как он про себя называл вырытую им ранее яму на полу, и на дне которой собиралась неглубокая лужица воды. Раскачать и выковырять из стены следующие пять-шесть камней оказалось уже проще, особенно когда их можно было отжимать сапёрной лопаткой, орудуя ею как рычагом. Словно крот, Симанин знал уже наизусть, где край каменной полки, где стоят ближайšie гробы, и куда надо отбрасывать выломанные из стены камни и землю, чтобы те не попадали в «колодец» с водой. Работал Василий с закрытыми глазами –

во-первых, в склепе всё равно было темно, а во-вторых, каменная крошка и земля не попадали в глаза. Несколько раз где-то рядом слышался голос «Мюнхаузена», тот то говорил что-то на немецком (наверное, раненому солдату), то обращался к Василию по-русски с ироничными комментариями. «Нет-нет, русский зольдат! Если бы из могилы можно было так легко выбраться – кто бы там тогда оставался? Ordnung muss sein – во всём должен быть порядок. Мы с вами мертвы – значит нам надо оставаться в могиле... Ай-ай, русский зольдат не слушает!»

Василий засыпал и просыпался в абсолютной темноте. Он уже не собирал, где сны, а где реальность. Поэтому проснувшись однажды от того, что кто-то совсем рядом громко говорил по-немецки, он не испугался – ведь это мог быть и сон. В голубоватом свете Симанин разглядел «Мюнхаузена» – тот сидел на каменной полке, и перед ним стоял какой-то темноволосый мужчина в чёрном фраке и чёрных брюках. Василий видел его со спины. «Мюнхаузен» жутко ругался, размахивал руками и постоянно повторял «Дойчланд», «дойче»... Человек во фраке стоял понуро опустив голову и молчал. Наконец, «Мюнхаузен» замолчал, и голубой свет начал понемногу темнеть – так всегда бывало, перед тем, как барон исчезал, и в склепе вновь воцарялась темнота. Человек во фраке повернулся и пошёл прямо на Симанина. Василий внезапно с ужасом узнал в нём Гитлера – те же усики, тот же цепкий внимательный взгляд... Но на это раз

лицо фюрера было совершенно отрешённым и непроницаемым. Гитлер молча прошёл мимо Симанина и исчез в стене гробницы... «Значит – снится», – с облегчением подумал Симанин.

– К сожалению – нет, русский зольдат! – воскликнул тут же «Мюнхаузен», уже едва заметный в стремительно сгущавшейся темноте, – Это не сон. Теперь всё кончено...

– Что кончено? – спросил Симанин.

В этот момент синий свет окончательно погас, и его вопрос остался без ответа...

Туннель Симанин рыл сначала довольно круто вверх, но потом, чтобы уверенно лежать и работать дальше, сделал его более пологим. Припоминая глубину лестницы в склеп, он рассчитывал, что по вертикали ему придётся преодолеть не менее трёх метров, а при наклонном туннеле – получатся, возможно, и все шесть метров...

Прорыв около двух с половиной метров, Василий потерял штык-нож. Копая землю он уже особенно им не пользовался (почти всю работу можно было делать сапёрной лопаткой), но потеря ножа его сильно напугала. Обыскав наощупь всё вокруг, и ничего не обнаружив, Симанин решил подстраховаться. Сняв сапог и оторвав полоску от портянки, он привязал сапёрную лопатку к запястью правой руки. Он просто холодел при мысли, что и лопатка может так же бесследно исчезнуть, как и штык-нож...

«Мюнхаузен» уже давно не появлялся. Немецкий солдат,

судя по всему, был тяжело ранен и не мог ничем помочь. Он обычно полулежал возле «колодца» и только иногда стонал или вздыхал, и тогда Симанин находил его наощупь и давал ему пить с ладони воду.

Напряжённая работа и усталость брали своё. Симанин уже давно не знал день сейчас или ночь, спал он несколько часов или только пару минут – вокруг были всё та же темнота и тишина. Наконец, в какой-то момент силы ему полностью отказали. Он выполз из туннеля, прилег на полу возле колодца и провалился в сон.

Проснулся он от какого-то движения в склепе. Увидеть что-то в темноте было невозможно, но явственно слышались осыпающаяся земля с полки и непонятное пыхтение со стороны туннеля – кто-то пробрался мимо Василия, влез на полку и пополз оттуда вверх по туннелю. Симанин машинально попытался нашарить рукой немецкого солдата, но того на месте не оказалось. Потом из туннеля донеслись ритмичные удары сапёрной лопатки по глинистому грунту и вниз посыпалась земляная крошка... Василий потянул за полоску от портянки, привязанную к правому запястью – лопатки на другом конце не оказалось. «Ну, наконец-то, помощь...» – подумал Симанин, снова обессиленно погружаясь в сон...

Когда Василий проснулся (или это просто был другой сон?), в склепе было тихо. Никаких звуков не доносилось из туннеля. Нащупав край «колодца», он зачерпнул воды и

жадно напился.

– Эй, Фриц, ты где? – Василий окликнул немецкого солдата.

Никто не ответил. Тогда он пополз потихоньку вперёд, чтобы залезть на полку и проверить туннель – вдруг немцу всё-таки удалось закончить работу?

...И сразу же наткнулся на солдата.

– Вот ты где... – пробормотал Василий, – Не докопал ещё? Ну ничего, я продолжу... Лопата-то где?

Немец только вздохнул.

– Лопата! Где лопата? – Симанин осторожно потряс немца за плечо, – Господи, ну как по-немецки будет «лопата»?

Убедившись на ощупь, что в руках у солдата ничего нет, и так и не получив никакого ответа, Василий сам полез в туннель.

Нет, туннель ещё не был закончен, но в самом конце Василий наткнулся коленкой на что-то твёрдое и острое – это была сапёрная лопатка! «Ну, хоть не потерял – и слава богу», – вздохнул он.

Продолжив копать, Василий вскоре ощутил, что в земле начали попадаться какие-то ниточки. Он даже не успел поразмышлять, что бы это такое могло быть, как передняя стенка туннеля обрушилась ему на голову...

Об этом моменте Василий, казалось, мечтал всю свою жизнь. Он уже даже и не помнил, что мог когда-то мечтать о чём-то другом. Однако, вместо столь желанного ослепитель-

ного солнечного света, впереди по-прежнему была чернота. На мгновение Василию показалось, что он всего лишь прорыл туннель в другой склеп, который был всего лишь больше и просторнее прежнего... Только вот ветер... Да, в его лицо подул ветер! И запахи – запах воды и запах свежести! И трава под руками! И бесконечный простор вокруг! Василий даже не обратил внимания, куда делась лопатка – он вывалился из туннеля наружу и пополз по траве, совсем чуть-чуть, всего пару метров, а потом перевернулся на спину и замер раскинув руки в стороны. Звёзд над ним не было, тёмное ночное небо было покрыто тучами. Заросшей щетиной щекой Василий чувствовал дуновение прохладного ветра справа. Глаза наполнились слезами, и он то ли уснул, то ли потерял сознание...

Когда Василий открыл глаза, уже совсем рассвело, и первое, что он увидел было морщинистое лицо склонившейся над ним старухи в старомодной шляпке с пером. Он не испугался – старуха показалась ему знакомой. Она неуверенно коснулась сухими пальцами его щеки и что-то пробормотала по-немецки. Ну конечно! Это же была та самая старуха, которую Симанин, Петров и старшина Матвеев повстречали тогда в лесу! Слезы снова заструились из глаз Василия – было ощущение, словно он повстречал свою старенькую учительницу или кого-то ещё из той, другой жизни.

– Здравсьте... – попытался улыбнуться Симанин, но губы не слушались, а слёзы всё текли и текли.

Старуха сказала ещё что-то непонятное, а потом поднялась и торопливо, почти бегом, ушла. «Ну вот...» – подумал Симанин, – «Всё как и в тот раз.»

Василий понемногу пришёл в себя и попытался сесть. Это ему удалось. Было утро, но довольно пасмурное. По небу плыли бесконечные серые тучи. Вокруг по-прежнему было то самое старое кладбище. Только неподалёку возвышалась груда камней с торчащими из неё обломками стен – видеть, тот немецкий офицер основательно тогда расстрелял каменный склеп панцерфаустами. Вокруг было тихо. Ни грузовика, ни легковой машины на кладбищенской аллее уже не было. Василий прислушался. Появившаяся на мгновение мысль, что фашисты всё ещё где-то тут практически сразу улетучилась. Сколько времени он провёл в этой гробнице? Василий потрогал щетину на щеках – волосы уже даже не кололись, а были мягкими. «Борода, что ли, успела вырасти?» – изумился он.

Сил встать на ноги не было, поэтому Симанин поднялся на четвереньки и вернулся к округлому отверстию в земле, откуда он вылез ночью. Туннель исчезал в темноте. В склепе внизу было тихо.

– Эй, ты! Фриц, что ли... – окликнул Василий немецкого солдата, – Вылезай! Сможешь сам?

Никто ему не ответил. Живот сводило от голода, и Симанин произвольно сорвал чуть-чуть травы и засунул в рот. Почему-то вспомнился салат в школьной столовой...

Он решил сначала немного отдохнуть, а потом спуститься вниз и вытащить немца. Однако не прошло и десяти минут, как до Симанина донёлся шум мотора. Машина! Неужели немцы? Старуха привела?! Он вострепнулся и уже хотел было ползком укрыться за руинами склепа, как на кладбищенской аллее появился серо-зелёный джип «Виллис» – советскую униформу на водителе и пассажире Василий узнал сразу. Наши! Машина остановилась неподалёку, и Симанин остался полулежать на траве разглядывая приближавшегося к нему советского офицера в пыльной форме. Тем временем шофёр помогал выбираться с заднего сиденья джипа той самой немецкой старухе в старомодной шляпке с пером.

– Не наврала бабка, – громко сказал офицер, – Кажется, и правда, наш...

Шофер поставил старуху на землю, и та, поправив шляпку, тут же пошла прочь, несколько раз оглянувшись, прежде чем исчезнуть за могилами.

– Что с тобой, солдат? – участливо спросил офицер, – Ранен?

Симанин расслабленно вздохнул.

– Да нет, вроде... – сказал он, – Пить только очень хочется... И есть.

Василий тут же получил полную флягу с водой, из которой он сразу же начал жадно пить.

– Еды у нас с собой нет... Поедешь с нами – там накормим. А что случилось-то? – офицер пристально посмотрел

на Василия, – Ты кто? Документы есть?

– Рядовой Симанин! Товарищ капитан... – несколько неуверенно начал Симанин, – Мы в патруле были... Трое нас... Старшина Матвеев был за старшего... Нарвались на немецкую засаду... Старшину сразу убило, а мы с Петровым на кладбище укрылись. А там – немцы. Много. Петров ранен был... Он меня отправил... Я в склепе спрятался, потому что немцы вокруг были...

Капитан и подошедший шофёр молча слушали.

– А потом в тот склеп немцы начали золото складывать. Там грузовик стоял... Такие большие слитки, длинные...

– Золото, говоришь? – переспросил капитан.

– Да, – кивнул Симанин, – много слитков – целый гроб заполнили. Я там среди гробов прятался – они меня не видели... А потом немецкий офицер, он там всем руководил, выстрелил в солдата, который укладывал слитки, а склеп взорвали. Тот раненый солдат и я остались там, в могиле...

– Как же вы выбрались? – спросил капитан.

– Только я пока выбрался... – сказал Симанин, – У немца лопатка сапёрная была, мы с ним туннель наружу и прорыли.

Капитан удивлённо приподнял брови:

– Да... Бывает же... А немец-то где?

– Там, – Симанин кивнул на дыру в земле, – Он ранен. Не смог сам выбраться. Трудно ему...

– И золото там? – капитан внимательно рассматривал перепачканную форму Симанина.

Тот только кивнул.

– Ладно, – сказал капитан, – Сейчас разберёмся. Дмитриев! Подгони машину поближе. Там верёвка есть – привяжи к бамперу; и фонарь приготовь.

– Есть, товарищ капитан! – и шофёр побежал к джипу...

– ...А то мы тут мимо ехали, – сказал офицер Симанину, – А на дорогу бабка немецкая выскакивает, прямо чуть не под колёса. Говорит, что раненый русский где-то лежит, и дорогу показать хочет. Вот и приехали... Ну что, Дмитриев, есть фонарь?

Шофёр подогнал машину к самому входу в туннель и, привязав один конец верёвки к бамперу, другой забросил в тёмный провал в земле.

– Спустись – проверь, – приказал капитан.

Шофёр склонился над отверстием.

– Ох и воняет же оттуда... – пробормотал он.

– А ты думал, – отозвался капитан, – Могила всё-таки...

Около минуты Дмитриев светил фонарём в туннель что-то там разглядывая, а потом вздохнул и спросил:

– Автомат брать?

Капитан вопросительно посмотрел на Симанина.

– Там только немец тот раненый, – ответил тот, – И он, вроде, без оружия был... А так – только гробы и пыль...

– Эх... – сказал шофёр и, придерживаясь за верёвку, полез ногами вперёд в туннель.

Некоторое время слышалось кряхтение сползающего вниз

Дмитриева, а потом из глубины донёлся его бодрый голос:

– На месте, товарищ капитан! Тут прямо как подвал, довольно просторно... Есть фриц – на полу сидит...

– Что там с этим немцем? – капитан наклонился над отверстием в земле, – Обвяжи его верёвкой, и попробуем вытащить...

– Обвязать-то я могу... – почему-то неуверенно отозвался Дмитриев, – Только смысл какой?

Капитан недоумевающе переглянулся с Симаниным.

– Он же мёртвый, немец-то, – продолжал снизу шофёр, – Весь зелёный и вздулся уже – не сегодня завтра потечёт...

– Чего? – переспросил капитан.

– Да он уж не меньше недели тут пролежал... А то и больше... – голос Дмитриева стал звучать глуше, видимо, он прошёл глубже в склеп, удалившись от туннеля.

– Как... мёртвый? – оторопевший Симанин на четвереньках подполз поближе к дыре, – Он же сегодня ночью помогал мне тоннель рыть!

– У него дырка в сердце, – отозвался снизу Дмитриев, – С такой и полминуты не живут.

– Что там ещё? – крикнул капитан в дыру, подозрительно покосившись на Симанина.

– Гробы... – донеслось снизу, – Ещё один труп... Но этот – высохший уже, прямо как мумия...

– А золото? – спросил капитан, – Золото видишь?

– Там дверь кованная есть, – сказал Симанин, – Золото –

в гробу у самой двери.

Капитан снова взглянул на него и крикнул в дыру:

– Гроб возле двери!

– Дверь вижу... – отозвался Дмитриев, – А! Точно – есть приоткрытый гроб! Так точно, товарищ капитан, есть золото! Ух! Много золота!

– Много? – озадаченно спросил капитан, видимо до последнего момента сомневавшийся в словах Симанина.

– Да до хрена! Большие слитки! – радостно ответил Дмитриев.

– Ничего не трогать! Я спускаюсь сам! – сказал капитан и, схватившись за верёвку, полез вниз.

Симанин осторожно подполз к краю дыры и стал слушать. Чертыхаясь и выплёвывая попавшую в рот землю, капитан спустился в склеп.

– Вот здесь, товарищ капитан!

– Вижу... Похоже на то... Давай-ка, крышку с гроба снимем, чтобы не мешала. Берись за тот конец...

Прислушивавшийся к диалогу Симанин вдруг ощутил необъяснимое чувство тревоги. Снизу донёсся шум сдвигаемой с места крышки гроба и лёгкое постукивание...

– Что за... – едва успел выговорить капитан, как в памяти Симанина внезапно ярко и отчётливо возникла картинка: лежавший на крышке гроба снаряд от панцерфауста слегка качнулся и покатился к краю...

«Не трогайте крышку!» – хотел было изо всех сил закри-

чать Василий, но только в ужасе закрыл лицо руками и повалился на бок. В следующее же мгновение земля под ним содрогнулась, а из жерла туннеля вырвался столб дыма с известковой пылью и мелкими камнями. Что-то глухо ухнуло в глубине, руины склепа слегка осели, а стоявший до этого вертикально кусок стены покосился и рухнул, рассыпавшись на мелкие фрагменты...

А потом наступила тишина. Пришло не менее пяти минут, прежде чем потрясённый Симанин оторвал ладони от лица, приподнялся и испуганно огляделся. Вход в туннель был теперь лишь округлой ямой, не более полуметра глубиной. На дне её лежали комья земли в перемешку с кусками известняка. Выброшенная взрывной волной наружу верёвка лежала скомканая и перепутанная возле джипа. Симанин с трудом поднялся на ноги, и в этот момент сзади него раздался уже знакомый женский голос:

– Ну, я же просила тебя – никому про золото не рассказывать!

Василий вздрогнул и обернулся. За рулём джипа сидела та самая девушка из сна. Только на этот раз она была не в сарафане, а в чёрной кожаной куртке и в тёмно-зелёных брюках военного покроя. Светлые волосы её были аккуратно уложены, словно она только что вышла из парикмахерской. Руки девушки лежали на руле.

– Моё предложение всё ещё остаётся в силе, – сказала она, – Подумай, ведь всё что вечно в этом мире так или иначе

связано со смертью: египетские пирамиды, гробницы древних правителей...

– Что ты от меня хочешь? – едва слышно пробормотал Василий.

– Ещё не поздно туда вернуться... – девушка кивнула в сторону руин склепа и улыбнулась.

– Нет! – закричал Василий, – Нет!

И, хотя ноги его подгибались от слабости, он бросился прочь. Девушка засмеялась.

Он бежал через кладбище спотыкаясь и падая, а позади него всё ещё раздавался смех девушки...

Наконец, смех затих. Задыхаясь от усталости, Симанин остановился и обнаружил, что он уже давно не на кладбище, а посреди леса. Он отдышался немного и побрёл сам не зная куда...

Через некоторое время Василий вышел из леса и оказался на довольно высоком холме. Впереди внизу он увидел мост через реку и дорогу, по которой, поднимая тучи пыли, шли советские войска – Василий сразу узнал танки-«тридцать четвёрки» и большие американские крытые грузовики «Студебеккеры», тащившие на прицепе орудия. Возле моста стояло несколько машин и какие-то люди. Василий начал спускаться с холма к мосту, невольно ускоряя шаг под горку...

...Колонна военной техники шла через мост. Неподалёку стояла группа немецких беженцев, человек пятьдесят, в ос-

новном женщины, дети и старики. Чуть в стороне от беженцев стояли два немецких солдата в полевой униформе, но без погон. Очевидно, что пока не пройдёт колонна, беженцев на мост не пускали. У припаркованного на обочине возле моста джипа стоял лейтенант и несколько солдат. Перед джипом стоял грузовик-полуторка, в кузове которого сидели семь-восемь девушек в военной форме со снайперскими винтовками – Симанин разглядел оптические прицелы. Девушки смеялись и о чём-то разговаривали с лейтенантом и солдатами, охранявшими мост.

Симанин прошёл мимо немецких солдат, безмолвно и обречённо смотревших на проходившие мимо войска. В глазах беженцев он тоже увидел лишь бесконечную серую пустоту, обречённость и страх. Только один маленький, коротко подстриженный ребёнок лет трёх (непонятно, мальчик или девочка) радостно махал рукой катившимся мимо него танкам и грузовикам. Оглушительный железный грохот и поднятая пыль заполняли всё вокруг.

Пройдя мимо беженцев, Симанин направился к лейтенанту. Тот сам обратил внимание на приближавшегося солдата и сделал несколько шагов ему на встречу. Во взгляде лейтенанта читалось недоумение и удивление.

– В чём дело, рядовой? – строго спросил лейтенант, – Что у вас за вид? Почему в одном сапоге? Где ваша шинель?..

– Рядовой Симанин... – едва не падая от усталости доложил Василий.

– Что за... – лейтенант недоверчиво оглядел Симанина с ног до головы, – Вас будто из могилы только что вырыли... Предъявите документы!

Симанин с немалыми усилиями извлёк из нагрудного кармана перепачканой землёй гимнастёрки потрёпаную солдатскую книжку. Лейтенант принялся её внимательно изучать, изредка подозрительно поглядывая на Симанина.

– Так что с вами случилось, рядовой Симанин? – наконец спросил он уже чуть более доброжелательно.

Сбиваясь и с трудом подбирая слова, Василий рассказал про засаду, про склеп и про золото. Однако дойдя до того момента, когда ему удалось вылезти на поверхность, Симанин внезапно замолчал – оцепенев, он уставился на что-то за спиной лейтенанта...

– ...Да уж, – сказал удивлённый лейтенант, – Ты, и правда, видать из могилы...

Проследив за взглядом неожиданно замолчавшего Симанина, он оглянулся и посмотрел на группу немецких беженцев.

– Что с тобой? – лейтенант снова повернулся к Василию.

– Товарищ лейтенант, – прошептал Симанин, – Это она!

– Кто?

– Немка! Она с тем офицером была, который золото прятал. Она переодевалась в склепе – я видел. Вон та – в платке белом с синим. Она форму свою бросила, а вот это пальто надела...

Лейтенант недоверчиво посмотрел сначала на Симанина, а потом на девушку в тёмно-синем пальто и сине-белом платке на голове. Она стояла среди прочих беженцев и вроде ничем среди них не выделялась. Разве что взгляд её был не испуганный и обречённый, а внимательный и настороженный.

Лейтенант отдал Симанину его солдатскую книжку и повернулся к беженцам.

– Эй, фройляйн! – громко позвал он, показывая для ясности на неё пальцем, – Да-да, вы! Битте! Сюда ком! Подойдите!

Девушка растерянно огляделась. Лейтенант же про себя отметил, что в отличие от других беженок, у этой не было никакой ручной клади – просто словно погулять вышла. Он нетерпеливо поманил её рукой, и та нерешительно подошла. Симанин теперь уже совершенно не сомневался, что это была она – тот же чуть вздёрнутый носик, светлые волосы выбивающиеся из-под платка, выразительные пронзительно-голубые глаза... Он даже вспомнил её запах...

Девушка остановилась в паре метров от лейтенанта.

– Аусвайс, битте! – попросил тот и протянул руку.

Девушка молча перевела взгляд на Симанина, потом снова на лейтенанта и опустила руку в карман пальто. В этот момент мимо них к мосту с грохотом проехал очередной танк. Симанин не сразу понял, что произошло. Раздались два хлопка, и лейтенант упал на спину. Девушка повернулась к Симанину, что-то щёлкнуло: один раз, два... Прежде,

чем Симанин осознал, что девушка пыталась стрелять в него прямо из кармана пальто, она достала пистолет, направила его на Симанина и снова нажала курок – и снова раздался только негромкий щелчок – опять осечка... Прежде, чем кто-то успел среагировать, девушка отбросила пистолет в сторону и бросилась бежать. Пока охранявшие мост солдаты повернулись, пытаясь понять, что произошло; пока беззаботно смеявшиеся девушки-снайперы замолчали и стали озадаченно привставать в кузове грузовика, немка успела отбежать довольно далеко. Она начала быстро карабкаться вверх по склону холма, по тому самому, откуда совсем недавно спустился Симанин...

Резкий звук выстрела где-то совсем рядом, справа, заставил Василия вздрогнуть. Немка остановилась и, широко раскинув руки, покачнулась, упала лицом вниз и больше не шевелилась. Два солдата с автоматами наготове бегом бросились к ней. Симанин повернулся направо – там стояла одна из девушек-снайперов неизвестно когда успевшая выпрыгнуть из кузова грузовика. Она чётко передёрнула затвор винтовки и, чуть склонив голову набок, подмигнула Симанину. Тот узнал её сразу – это была та самая девушка из сна, только сейчас вместо сарафана на ней была униформа, а светлые волосы были аккуратно убраны под пилотку с маленькой красной звёздочкой. Симанин оцепенел...

Девушка подошла к нему поближе и, заглянув Василию в глаза, негромко сказала:

– Ну, мы же договорились – никому про золото не рассказывать! Ты что, не понимаешь, что это всё серьёзно?

Парализованный от ужаса, Симанин покосился на труп лейтенанта, лежавший у его ног, а потом посмотрел на тело немки на склоне холма, которое уже осматривали два солдата. Затем он снова перевёл взгляд на девушку-снайпера.

Та улыбнулась ему и, закинув винтовку за плечо, пошла обратно к грузовику. Перекинувшись парой слов с другими девушками, она привстала на заднее колесо и залезла в кузов. Потом грузовик зафырчал и, раскачиваясь на ухабах, поехал в сторону моста. Колонна танков и тягачей с орудиями уже прошла, и толпа немецких беженцев под бдительными взглядами часовых тоже опасливо направилась к мосту, чтобы перейти на другую сторону...

Словно во сне Симанин видел, как три солдата уносили труп лейтенанта...

Очнулся он от похлопывания по плечу. Возле него стоял незнакомый солдат.

– ...Не слышишь ничего? Ты контуженный что ли? – спросил тот, – Сейчас мы тебя в медсанбат отправим... Сапог-то твой где, вояка?

– ...Я портянкой лопату привязывал, – помолчав немного ответил Василий, – Чтобы не потерять...

– Ну-ну, приятель, – сочувственно отозвался солдат, – Не волнуйся, теперь всё будет в порядке... Война закончилась... Теперь только домой...

В подмосковном Подольске, в военном госпитале, за оградой отделения психиатрии, уже много лет после войны можно было увидеть коротко подстриженного пациента в длинном коричневом халате. Он старательно избегал общества других больных, ни с кем никогда не разговаривал и предпочитал одинокие прогулки по саду. Все давно привыкли к его странным манерам, и никто, естественно, не замечал, что бывший рядовой Симанин гулял в саду совсем не один – очень часто компанию ему составляли молчаливый молодой человек в униформе вермахта и долговязый старичок с седыми усами, в забавной шляпе-треуголке и в старомодном голубом камзоле с золочёнными шнурками и пуговицами. Старичок обычно что-то рассказывал, интенсивно размахивая руками, а молодой человек в немецкой униформе либо сдержанно одобрительно кивал, либо отрицательно мотал головой...

Просыпаясь в своей палате по ночам, Симанин обычно долго лежал неподвижно и вглядывался в темноту – ему казалось, что он по-прежнему замурован в мрачном склепе, и во мраке угадываются смутные очертания старинных массивных гробов...

Раз или два в неделю с Симаниным разговаривал врач-психиатр. Василий никогда не отвечал на его вопросы, он просто сидел с отсутствующим видом и молча слушал. Ведь не мог же он сказать врачу, что при каждой такой их встрече в углу комнаты всегда присутствовала таинственная девуш-

ка в ярком сарафане и роскошном, расшитом жемчугом, кокошнике. Обычно она сидела со скучающим видом и словно чего-то ждала... Иногда Василий встречался с ней взглядом, и тогда она улыбалась ему и едва заметно кивала головой. Василий уже знал, что пока он молчит, проклятие не действует, и что эта последняя вечность войны когда-нибудь всё-таки закончится...